

СТАНОВИЩЕ

От доц. Митко Момов

за дисертационен труд на Михаел Пилйавски

на тема: „**Философски аспекти и развитие на правото на мълчание в Израел**“

за присъждане на образователна и научна степен „доктор“

по професионално направление 2.3. Философия,

докторска програма „Съвременна философия“

Основание за представянето на становището е участието ми в състава на научно жури по защита на дисертационния труд съгласно Заповед № 1435 от 26.06.2026 г. на Ректора на ЮЗУ „Неофит Рилски“ и Решение на факултетен съвет на Философския факултет 30/22.06.2026г.

I. Биографични данни за докторанта: Зачислен е като докторант на самостоятелна форма на обучение в ЮЗУ „Неофит Рилски“, катедра „Философски и политически науки“. Практикува в международна адвокатска кантора, арбитражно, патентно, търговско, бизнес и наказателно право. Проверката на индекса на сходства в дисертацията е в допустимите граници. Представените публикации покриват изисквания минимум за провеждане на защита.

II. Структура и съдържание на дисертационния труд

Представен е текст от 160 компютърни страници, 161 библиографски източника, преобладаващо правно-юридическата и философско-политическа проблематика. Работата е интердисциплинарна. Дискутира се как постановки за *правата на човека, правото на мълчание* при разпит, *правомощията на съда и държавата* от либералната философска реториката проникват в съдебните решения.

Уводът представя стремежа в съдебните дела да се постига баланс между действията на разследващите престъпленията и правата по индивидуалната защита. В Израел съдебните власти третират държавата в традицията на либералната демокрация. В потвърждение на следваната традиция е постановката за правата на човека, приета през 1992г. в две декларации *Основен закон: за Човешкото достойнство и за Свободата и правото на професия*. Правото да мълчиш по време на разпит осмисля свободата и достойнството на човека. Но въпреки приетия през 1992 Основен закон, правото на мълчанието се нуждае от изследване. Тестването на полицейски разпити с цел контрол на конституционната декларация е трудно осъществима задача, заради конфиденциалността на изнасяната информация. Поради това докторантът е заменил анкетата с *контент анализ* на следствени дела, правни записки на съдии от заседания, които той е подложил на дълбочинен анализ. Избрани са правно-философски интерпретации на справедливостта в защитата срещу превишаващите права си. Задачата на работата е да апробира извоюваното от правораздаването, получило названия *конституционна революция, съдебен активизъм*. В него *правото на мълчание* придобива статуса на конституционно право. Философската

насоченост в работата се постига чрез проверка на съответствието на решенията в съдилищата с принципи, присъщи на либералната демокрация. Предполага се, че въпреки отсъствието на конституция в държавата Израел, гражданите на държавата получават право на защита от полицейски произвол. Работата привежда случаи, в които защитата се потвърждава в съдебни заключения. Първата глава представя историческото развитие на правото на мълчание в Израел – проблем, свързан с напрежение между законодателното намерение и правното тълкуване. Втората глава е прочит на правото на мълчание в идеи на Просвещението - Джон Лок, Ж. Жак Русо, И. Кант. Дебатът се основава на просветителската реторика за *естествено право, човешка природа, човешко достойнство, съпротива срещу принудата на държавата, баланс на колективната сигурност, произвол и индивидуална автономия*. Трета глава провежда анализ на правото на мълчание в основните правни системи. Четвъртата глава търси апробираността на философските идеи в израелските конституционни практики. Потърсено е разрешение на конфликта, произтичащ от сблъсък на индивидуалните права и държавния интерес. Потърсена е границите, в които правото на мълчание е защитимо. Доколкото правото се вписва в либералната философска традиция, то и приложението му е проникнато от утилитарното мислене. Прилагането му произвежда постоянно напрежение между индивидуалната защита и обществените интереси. Дали решенията на казусите от съдебната зала не са привидно решаване на конфликта от сблъсъка на индивидуалните права и държавния интерес?

Първата глава представя израстването на правния контекст в Израел в *Конституционната революция* от 1992 година и ролята на Върховния съд. Проследява се правото на мълчание, напреженията, съпътстващи отстояването му в конституционна наредба. За сложността на ситуацията допринасят организации, деклариращи общовалиден характер и такива, предлагащи защитата само на отделни сегменти от обществото, например на лишените от гражданство палестинци, чуждестранни работници. Има и множества малцинствени групи излъчващи лобистки структури, търсещи защита от дискриминация. С годините се наслагват и защитни организации за права на отделни групи (жени, деца, араби, хора с увреждания). Множенето на защитни клаузи размива справедливостта на отстояваните права. Тази част на работата въвежда принципите на *Конституционната революция*, целяща да постави на обща основа нарастващите напрежения в обществените неравенства: Върховен съд, който да балансира решенията на изпълнителната власт; ограничена свобода на слово, което посяга на интересите на останалите. Посочени са начини, по които съдилището да оказва контрол над законодателната власт, да отменят всеки закон, който противоречи на утвърдени общи възгледи. В текста е проследено отражението на политическата криза от 1990 година, на намесата на религиозните фракции в правораздаването. Вниманието е насочено в разбирането за *съдебен активизъм*: провеждането на *тест за разумност*, даващ правомощия на съда да отменя неразумни решения, дори взети от правен орган. Теоретичната обосновка на съдебните пълномощия е потърсена във философията на Джон

Лок (*ограничено правителство, народно съгласие, правото на съпротива* срещу тиранията в „Два трактата за управлението“). Първото опровержение е божественият произход на кралете. Втората идея е защитата за живота, свободата и собствеността. Тираничното управление се отхвърля, вместо него се обявява божествения произход на човека в стремежа да се признае неизменната стойност на човешката свобода и равенството. Вторият трактат на Лок е фокусиран върху произхода на политическата власт в границите на легитимността. Естественият ѝ произход е основа за либералната свобода, но не и за своеволието и беззаконието. Откъдето правото на човека да потъпква свободата, тялото и собствеността на друг се допуска само тогава, когато този друг застрашава неговото самосъхранение. А на какво основание този друг се счита за заплаха? Лок заявява, че подходящото наказание съответства на тежестта на извършеното. А кой определя тежестта на деянието? Хората в естествено състояние не се различават в задълженията и правата, те са равни по природата. Кое означава, че в природата им не е предзададено да воюват, а са с равен респект пред механизма на добра воля, взаимопомощ и съхранение. Съгрешилият да краде, насилва и убива е във война с останалите. Враждебно на останалите е и едно правителство посегнало на своите граждани или на парламента.

Глава втора поставя теоретичните основи на изследването на конституционализма в светлина на идеи от епохата на **Просвещението**. Представени са идеи, които са съзвучни на съвременните права на човека. Интелектуални елити отхвърлят старото, „тъмното средновековие“, проникнато от ирационалност, суеверие, тирания и го заменят с просветения разум, рационално разбиране на света, водещо към прогрес. Съдебните решения на израелския съд се поставят в пряка връзка с теорията на *естественото право* (на Джон Лок). *Автономията на личността* (в *Какво е просвещение* на Кант) определя *излизането на човечеството от самоналожилата се незрялост*, на разум, зависим от напътствия на другите. Склонността да се разчита на чужд авторитет философът е оприличил с книгата, която мисли вместо човека, с духовния наставник, заменящ неговата съвест, с лекаря диктуващ диетата му. Малцина са тези, освободили се от зависимостта. Затова, развитието е в непрекъснатото насърчаване на незрялата публика към свобода. Докторантът интерпретира кантовото разбиране за универсалното и частното в разума. Илюстрацията е с генерал, който оспорва заповедта и е в рушение на чувството си за дълг. Или свещеник, който посяга на канона на църквата, с което вреди на нейната цялост. Изводът е, че самото публично използване на разума внася просвещение сред хората и затова следва да бъде защитено. Отвоюването на автономност неизбежно е съпроводено от *скептицизъм*. Свещеникът и генералът са длъжни да се съмняват и да мислят критично, да изразяват своите съмнения. Просвещаването е постепенна промяна в мисленето на хората, в склонността да действат свободно. Принципът на публичното приложение на разума е валиден и за държавата в това, владетелят да осигурява свобода за критиката на закони, които носят лични облаги. На този принцип е подчинена и критиката на Русо, че мирът и тишината, които облагодетелстват единствено владетеля допринасят за останалите поданици точно толкова свобода, колкото и пребиваването в затвора.

Естествената природа на човека е представена от Джон Лок с естественото право на живот, свобода и собственост. Тези права не могат да бъдат отнемани без основателна причина. В този смисъл властта на царя-отец е абсолютна, простира се дотогава, докато децата достигнат зрялост. На смяна на естественото състояние на патриархата идва *общественият договор* между синовете, споразумяли се за доброволно подчинение на управлението. Докато *общественият договор* на Томас Хобс е следствие на *войната на всеки срещу всеки*, поради *вълчата природа* на човека, която макар и рационална, следва да бъдат обуздавана. За Лок човекът е *чиста дъска*, веднъж възпитан от обществото, разполага със свободната воля да мисли, действа, сам да влиза в отношения и разрешава конфликти.

Участие в дебата взимат критичните възгледи (на Фр. Ницше) срещу разума, прогреса, несъстоятелния се либерален проект, довел до европейския нихилизъм. Както и консервативният реванш срещу бързата промяна (на Е.Бърк). В тази глава са обобщени доминиращи епохата философски и политически допускания: за човека, притежащ разум и критично мислене; за властта от народа, а не божествена; за правителствена защита на индивидуалните права и свободи; за правото на човека на лична свобода, достойнство и равенство; за прогреса, науката, метода на съмнението и рационарните аргументи.

Докторантът доказва, че решенията на израелските съдилища не са изолирани правни актове, а са вкоренени в европейския дебат на либерална философска традиция. Идеите на този дебат оказват влияние в развитието както на реформисткия, така и на консервативния юдаизъм.

Глава трета въвежда опозицията *естествени права* и *граждански права*. Първите са универсални, не зависят от националност, пол религия, социален статус. Тази градация на правата издава сложната йерархия от права в мултикултурна среда, каквато е държавата Израел. Считаните за универсални равноценни за всички права- на цялостност на тялото, на способност да се радваш, да живееш безопасно- имат декларативен характер. Потвърждава се от избирателния кодекс, според който право да гласуват имат единствено гражданите, докато не-граждани и чужденци се изключват. Също така декларативни са правото на благополучие в живота и личното израстване. Поразително е сходството на правния механизъм с този на античния полис (И. Кацарски, 2007). В него политически права се дават на всички пълнолетни мъже, граждани на полиса, чужденците, робите и жените се изключват. Декларира се забрана на грубости към бедни и чужди, но в действителност те са презрени в очите на атиняни. Правото на участие е декларативно, формално дадено на всеки гражданин. Реално, редът и решенията се инициират от богати собственици, фамилни родове от района на Атика. Декларираните права се отнасят за всички, но управляването им е задкулисно, скрито завоалирано. В текста двата аспекта, декларативен и реален, са на примера на правото на свобода: първият общовалиден аспект е на правото да действаш, ако не нарушаваш закона. Второто право на свобода е в случай, че допринасяш за човешкото благополучие и цялостността на обществото. Такива са свободата на *движение*, *слово*, *вяра*, *сдружение*. Вторият аспект поставя проблема за границите относно приложимостта на

гражданските права. Проследява основанието, на което е оправдано отнемането им. Лишаването от свобода е оправдано, когато няма друг начин да се попречи на извършителя на престъплението. Тогава *вредата от лишаване от свобода е оправдана*. Т.е. наложителното отнемане представлява *необходимото зло*. Дебатът относно това, доколко нарушеното право е оправдано ни отвежда към казуси на утилитарния избор. Съгласно неговия принцип, плюсовите и минусите следва да се претеглят и, едва тогава да се търси оправдание за посегателство на едната или другата страна. Казусът е отнемането на правото на живот, дали да бъде оправдано смъртното наказание? Това ще се реши едва след внимателно претегляне на потърпевшите страни. Заключение на докторанта е, че *трябва да се отнеме от „защитата“ на едното право, за да прибавим към защититата на другото* (с. 60-61). Например, ако е под въпрос здравословното състояние на политически лидер, би следвало да му се отнеме заеманият пост. При всяко решение плащаме в ущърб на едно от правата. В тази глава е въведено разбирането за *формалната демокрация* – например, в правото на свободно вероизповедание, слово, критика протест. Формалността е, че нямаш реалната възможност да ги упражняваш, те се превръщат във формална постановка. Например, забраната за консумация на свинско месо, ако не се гласува в парламента, рискува да се приема като дискриминиращ, *религиозен акт*. Веднъж гласувана, забраната е на правна основа, формално наложена, страхът, че е по принуда на културна традиция отпада. Тогава с правата на ядещите свинско какво се случва? Ограничаването на правата е оправдано в случай на извънредно положение, което застрашава нацията. Но каква е гаранцията, че налаганото ограничение не е само привидно справяне с проблема. И каква заплахата са ядещите свинско? Оправдано или не, посегателството на правото си остава, както и ощетяването на едната страна в интерес на другата.

В няколко последователни подраздела е представен произходът на *Декларацията за правата на човека* – предистория, придобиване на универсалност; сключване на международни пактове, резолюции, конвенции, харти; придобиване на правен статут; изброяват се по раздели основни права. Декларира се, че затворите трябва да помагат на хората да се подобрят, а не да ги изтезават – декларация, която не издържа възраженията в това, че веднъж попаднал в затвора, престава да бъдеш човек за цял живот. По никакъв начин в биографията лишаването от свобода не може да бъде заличено. Специализирани изследвания на затворнически права заключават, че пожеланието за *ресоциализация* на лишения от свобода носи характера на формална декларация. Проблемът за нищожността в декларациите е отнесен към анализа на Хана Аренд към “произхода на тоталитаризма” и към направения от нея извод: Декларацията може има смисъл едва когато тя е действаща в *общностното ѝ включване*, а именно когато е *в правото да имаш право* (с.84).

Работата дискутира постановка предложена от Т.Петкова за правото на защита на детето. Конкретният повод е казусът за сирийско дете на бежанци, намерено мъртво на брега на Егейско море. За да бъде неформална, защитата не се задоволява със споменаването на случилото се като трагедия, трябва да се търсят причините. *Правото да имаш право*, поради невръстност на детето, следва да се приложи от правоспособните.

Критиката е срещу онези правоспособни *дизайнери на правото*, носещи отговорност за сирийските бежанци и съдбата на техните деца. В случая с бежанците, отговорността лежи на европейските правоспособни институции, които вместо да внасят баланс в европейските политики, отговарят емоционално, възползват се от правото да мълчат или бездействат. В този случай връщането към нормалността се поема от гражданската позиция на философа. Случилото се с бежанското дете е *символ на последствията от едно брутално и забравящо човечество, склонно към самоунищожение и лишаващо се от бъдеще*. Глобалната опасност от случилото се идва и от това, че жертва на *геополитическите игри* стават невинни, беззащитни деца, възпитавани в непредвидима среда, поради което и носят риска от екстремизъм. Самите играчи се превръщат в *проблем за себе си* (с.90). С тези изводи работата се приближава до рисковата ситуация, за която предупреждава Арджун Ападурай (*емигрантски въображаем свят*, В: *Културни измерения на глобализацията*).

Дискусията в глава четвърта проследява как правото на мълчание и защита от *самонаклеветяване* става в Израел конституционно право. Идеята, че *всеки е невинен до доказване на противното* става норма в наказателния кодекс от 1992 година. В Израел, отказът лицето да бъде принуждавано да се самонаклеветява, правото на лична автономия са преминавали във времето през разгорещени дебати. Едва през 1992 обстоятелствата довеждат усилията до признаване на нормативен статус. Съдът всъпва в ролята на ефективен балансър в държавната намеса в наказателните разследвания. Защищавана е концепцията за *автономния индивид, оформящ тялото и душата си по своя воля* (с.96). Според закона, признанието важи единствено ако е доброволно. Прилагането на нормативната постановка е подкрепено в дисертацията с примери от проведени наказателни дела в израелски и американски съдилища. Докторантът прави заключение за практическо предотвратяване на драстично посегателство на личния живот и достойнство на човека. Наред с това, в тълкуването на норматива се допускат манипулация, каквото е признанието постигнато в полицейски разпит чрез измама. Фалшифицирането на данни, от своя страна произвежда *ерозия на етическите граници на разследването, подкопава конституционната защита* (с. 109).

Заключителната част обобщава теоретичните постановки на изследването.

III. Приноси

1. Актуалност на темата в постановката на вечен проблем на правовата държава-балансът между сигурността на държавата и правата на индивида.
2. Работата обосновава отражението на философски идеи в практиката на нормативни постановки в делата в съдилищата на Израел.
3. Интердисциплинарният метод, приложен към анализ на съдебни практики-преминаващ през правна догматика, философия на Просвещението, теория на естествените права и съвременни международни актове;
4. Практическа приложност в критиката на отговорностите на ЕС в предизвиканата емигрантска вълна, с внимание върху принципа на хуманността, закрилата на децата

въпреки произхода, етническата и религиозна принадлежност и рисковете произтичащи от пренебрегването на принципа.

IV. Препоръчителни бележки

1. Анализът би спечелил, ако поставеният в него проблем бъде съпоставен с представянето му и в други законодателства. Предвид различията в съдебните системи, съпоставката би подчертала спецификата на израелското законодателство.
2. Работата поставя проблем, граничащ с политическата философия. Съдебните решения демонстрират съответствие с либералната философска парадигма. Философско-етическите основания на ценности като *справедливост, благочестие, достойнство, щастие* са център в *Държавата* и диалога *Евтифрон* (Plato, 2017: Euthyphro, Apology) на Платон. Представената в дисертацията традиция би се обогатила концептуално с включването в съпоставителен план на античната епоха и платоновите произведения.

V. Заключение

В заключение, като отчитам изброените по-горе положителни качества, достойнства и приноси на дисертационния труд **„Философски аспекти и развитие на правото на мълчание в Израел“**, изразявам убеждението си, че на Михаел Пилйавски трябва да му бъде присъдена образователната и научна степен „доктор“ по професионално направление – 2.3 Философия. Докторска програма „Съвременна философия“. Затова ще гласувам „за“ и препоръчвам на членовете на Научното жури да гласуват по същия начин.

18.09.2026

доц. д-р Митко Момов

СТАНОВИЩЕ

доц. Митко Момова

о диссертационном труде Михаэля Пилявски

на тему: «**Философские аспекты и развитие права на молчание в Израиле***»

на соискание образовательной и научной степени «доктор»

по профессиональному направлению 2.3. Философия,

докторская программа «Современная философия»

Основанием для представления отзыва является моё участие в составе научного жюри по защите диссертационного труда согласно Приказу № 1435 от 26.06.2026 г. Ректора ЮЗУ им. Неофита Рильского и Решению факультетского совета Философского факультета 30/22.06.2026 г.

I. Биографические данные о докторанте: Зачислен докторантом самостоятельной формы обучения в ЮЗУ им. Неофита Рильского, кафедра «Философские и политические науки». Практикует в международной адвокатской конторе, арбитражное, патентное, торговое, бизнес и уголовное право. Проверка индекса сходства в диссертации находится в допустимых пределах. Представленные публикации покрывают минимальные требования для проведения защиты.

II. Структура и содержание диссертационного труда

Представлен текст объёмом 160 компьютерных страниц, 161 библиографический источник, преимущественно правово-юридическая и философско-политическая проблематика. Работа междисциплинарна. Обсуждается, как положения о *правах человека, праве на молчание* при допросе, *полномочиях суда и государства* из либеральной философской риторики проникают в судебные решения.

Введение представляет стремление в судебных делах достигать баланса между действиями расследующих преступления и правами индивидуальной защиты. В Израиле судебные власти трактуют государство в традиции либеральной демократии. В подтверждение следующей традиции является положение о правах человека, принятое в 1992 г. в двух декларациях *Основной закон: о Человеческом достоинстве и о Свободе и праве на профессию*. Право молчать во время допроса осмысляет свободу и достоинство человека. Но несмотря на принятый в 1992 Основной закон, право на молчание нуждается в исследовании. Тестирование полицейских допросов с целью контроля конституционной декларации — трудно осуществимая задача из-за конфиденциальности изымаемой информации. Поэтому докторант заменил анкету *контент-анализом* следственных дел, правовых записок судей с заседаний, которые он подверг глубокому анализу. Избраны правово-философские интерпретации справедливости в защите против превышающих права. Задача работы — апробировать завоёванное правосудием, получившее названия *конституционная революция, судебный активизм*. В нём *право на молчание* приобретает

статус конституционного права. Философская направленность в работе достигается через проверку соответствия решений в судах принципам, присущим либеральной демократии. Предполагается, что несмотря на отсутствие конституции в государстве Израиль, граждане государства получают право на защиту от полицейского произвола. Работа приводит случаи, в которых защита подтверждается в судебных заключениях. Первая глава представляет историческое развитие права на молчание в Израиле — проблему, связанную с напряжением между законодательным намерением и правовым толкованием. Вторая глава — прочтение права на молчание в идеях Просвещения — Джон Локк, Ж. Жак Руссо, И. Кант. Дебат основан на просветительской риторике о *естественном праве, человеческой природе, человеческом достоинстве, сопротивлении принуждению государства, балансе коллективной безопасности, произволу и индивидуальной автономии*. Третья глава проводит анализ права на молчание в основных правовых системах. Четвёртая глава ищет апробированность философских идей в израильских конституционных практиках. Поиск разрешения конфликта, происходящего от столкновения индивидуальных прав и государственного интереса. Поиск границ, в которых право на молчание защитимо. Поскольку право вписывается в либеральную философскую традицию, то и его применение проникнуто утилитарным мышлением. Его применение производит постоянное напряжение между индивидуальной защитой и общественными интересами. Являются ли решения казусов из зала суда лишь видимым разрешением конфликта от столкновения индивидуальных прав и государственного интереса.

Первая глава представляет рост правового контекста в Израиле в *Конституционной революции* 1992 года и роль Верховного суда. Прослеживается право на молчание, напряжения, сопутствующие его отстаиванию в конституционном устройстве. Сложность ситуации дополняют организации, декларирующие общеобязательный характер, и такие, предлагающие защиту только отдельным сегментам общества, например лишённым гражданства палестинцам, иностранным работникам. Есть и множество меньшинственных групп, излучающих лоббистские структуры, ищущие защиту от дискриминации. С годами наслаиваются и защитные организации за права отдельных групп (женщины, дети, арабы, люди с ограниченными возможностями). Умножение защитных клаузул размывает справедливость отстаиваемых прав. Эта часть работы вводит принципы Конституционной революции, стремящейся поставить на общую основу растущие напряжения в общественных неравенствах: Верховный суд, который должен балансировать решения исполнительной власти; ограниченная свобода слова, посягающая на интересы остальных. Указаны способы, которыми суд может осуществлять контроль над законодательной властью, отменять всякий закон, противоречащий утверждённым общим воззрениям. В тексте прослежено отражение политического кризиса 1990 года, вмешательства религиозных фракций в правосудие. Внимание направлено на понимание судебного активизма: проведение *теста разумности*, дающего полномочия суду отменять неразумные решения, даже принятые правовым органом. Теоретическое обоснование судебных полномочий ищется в философии Джона Локка (*ограниченное правительство, народное*

согласие, право на сопротивление тирании в «Двух трактатах об управлении»). Первое опровержение — божественное происхождение королей. Вторая идея — защита жизни, свободы и собственности. Тираническое управление отвергается, вместо него объявляется божественное происхождение человека в стремлении признать неизменную ценность человеческой свободы и равенства. Второй трактат Локка сосредоточен на происхождении политической власти в границах легитимности. Естественное её происхождение — основа для либеральной свободы, но не для своеволия и беззакония. Откуда право человека попирает свободу, тело и собственность другого допускается только тогда, когда этот другой угрожает его самосохранению. А на каком основании этот другой считается угрозой? Локк заявляет, что подходящее наказание соответствует тяжести совершённого. А кто определяет тяжесть деяния? Люди в естественном состоянии не различаются в обязанностях и правах, они равны по природе. Что означает, что в их природе не предзадано воевать, а они с равным уважением пред механизмом доброй воли, взаимопомощи и сохранения. Согрешивший красть, насиловать и убивать находится в войне с остальными. Враждебно к остальным и правительство, посягнувшее на своих граждан или на парламент.

Глава вторая ставит теоретические основы исследования конституционализма в свете идей эпохи **Просвещения**. Представлены идеи, которые созвучны современным правам человека. Интеллектуальные элиты отвергают старое, «тёмное средневековье», проникнутое иррациональностью, суеверием, тиранией и заменяют его просвещённым разумом, рациональным пониманием мира, ведущим к прогрессу. Судебные решения израильского суда ставятся в прямую связь с теорией *естественного права* (Джона Локка). *Автономия личности* (в *Что такое просвещение* Канта) определяет выход человечества из *самоналоженной незрелости*, разума, зависимо от указаний других. Склонность полагаться на чужой авторитет философ уподобил книге, которая мыслит вместо человека, духовному наставнику, заменяющему его совесть, врачу, диктующему ему диету. Немногие — те, кто освободился от зависимости. Поэтому развитие — в непрерывном поощрении незрелой публики к свободе. Докторант интерпретирует кантово понимание универсального и частного в разуме. Иллюстрация — с генералом, который оспаривает приказ и находится в нарушении чувства долга. Или священник, который посягает на канон церкви, чем вредит её целостности. Вывод — что само публичное использование разума вносит просвещение среди людей и поэтому должно быть защищено. Отвоёвывание автономности неизбежно сопровождается *скептицизмом*. Священник и генерал обязаны сомневаться и мыслить критически, выражать свои сомнения. Просвещение — постепенное изменение в мышлении людей, в склонности действовать свободно. Принцип публичного применения разума действителен и для государства в том, чтобы властитель обеспечивал свободу для критики законов, которые несут личные выгоды. Этому принципу подчинена и критика Руссо, что мир и тишина, которые благоприятствуют единственно властителю, способствуют остальным подданным ровно столько свободы, сколько и пребывание в тюрьме.

Естественная природа человека представлена Джоном Локком с естественным правом на жизнь, свободу и собственность. Эти права не могут быть отнимаемы без основательной причины. В этом смысле власть царя-отца абсолютна, простирается до тех пор, пока дети достигнут зрелости. На смену естественного состояния патриархата приходит *общественный договор* между сыновьями, договорившимися о добровольном подчинении управлению. Тогда как общественный договор Томаса Гоббса — следствие *войны всех против всех*, из-за *волчьей природы* человека, которая хотя и рациональна, следует быть обуздываема. Для Локка человек — *чистая доска*, однажды воспитанный обществом, располагает свободной волей мыслить, действовать, сам вступать в отношения и разрешать конфликты.

Участие в дебатах принимают критические воззрения (Фр. Ницше) против разума, прогресса, несостоявшегося либерального проекта, приведшего к европейскому нигилизму. Как и консервативный реванш против быстрой перемены (Э. Бёрка). В этой главе обобщены доминирующие эпохой философские и политические допущения: о человеке, обладающем разумом и критическим мышлением; о власти от народа, а не божественной; о правительственной защите индивидуальных прав и свобод; о праве человека на личную свободу, достоинство и равенство; о прогрессе, науке, методе сомнения и рациональных аргументах. Докторант доказывает, что решения израильских судов не являются изолированными правовыми актами, а укоренены в европейском дебате либеральной философской традиции. Идеи этого дебата оказывают влияние на развитие как реформистского, так и консервативного иудаизма.

Глава третья вводит оппозицию *естественные права* и *гражданские права*. Первые универсальны, не зависят от национальности, пола, религии, социального статуса. Эта градация прав выдаёт сложную иерархию прав в мультикультурной среде, какой является государство Израиль. Считающиеся универсальными равноценные для всех права — на целостность тела, на способность радоваться, жить безопасно — имеют декларативный характер. Подтверждается избирательным кодексом, согласно которому право голосовать имеют единственно граждане, тогда как не-граждане и иностранцы исключаются. Также декларативно право на благополучие в жизни и личностный рост. Поразительно сходство правового механизма с таковым античного полиса (И. Кацарски, 2007). В нём политические права даются всем совершеннолетним мужчинам, гражданам полиса, иностранцы, рабы и женщины исключаются. Декларируется запрет грубости к бедным и чужим, но в действительности они презренны в глазах афинян. Право на участие декларативно, формально дано каждому гражданину. Реально порядок и решения иницируются богатыми собственниками, фамильными родами из района Аттики. Декларированные права относятся ко всем, но управление ими закулисно, скрыто завуалировано. В тексте два аспекта, декларативный и реальный, на примере права на свободу: первый общеобязательный аспект — право действовать, если не нарушаешь закон. Второе право на свободу — в случае, если способствуешь человеческому благополучию и целостности общества. Таковы свобода

передвижения, слова, веры, объединения. Второй аспект ставит проблему границ относительно применимости гражданских прав. Прослеживает основание, на котором оправдано их отнятие. Лишение свободы оправдано, когда нет другого способа воспрепятствовать совершителю преступления. Тогда *вред от лишения свободы оправдан.* Т.е. настоятельное отнятие представляет *необходимое зло.* Дебат о том, насколько нарушенное право оправдано, ведёт нас к казусам утилитарного выбора. Согласно его принципу, плюсы и минусы следует взвешивать и, лишь тогда искать оправдание для посягательства на одну или другую сторону. Казус — отнятие права на жизнь, оправдана ли смертная казнь? Это решится лишь после внимательного взвешивания пострадавших сторон. Заключение докторанта — что *следует отнять от «защиты» одного права, чтобы прибавить к защите другого* (с. 60–61). Например, если под вопросом состояние здоровья политического лидера, следовало бы отнять у него занимаемый пост. При каждом решении мы платим в ущерб одному из прав. В этой главе введено понимание *формальной демократии* — например, в праве на свободное вероисповедание, слово, критику, протест. Формальность в том, что не имеешь реальной возможности их осуществлять, они превращаются в формальное положение. Например, запрет потребления свинины, если не голосуется в парламенте, рискует приниматься как дискриминирующий, *религиозный акт.* Однажды проголосованный, запрет имеет правовую основу, формально наложен, страх, что это по принуждению культурной традиции, отпадает. Тогда с правами тех, кто ест свинину, что происходит? Ограничение прав оправдано в случае чрезвычайного положения, угрожающего нации. Но какова гарантия, что налагаемое ограничение не является лишь видимым справлением с проблемой. И какую угрозу представляют те, кто ест свинину? Оправдано или нет, посягательство на право остаётся, как и ущербление одной стороны в интересах другой.

В нескольких последовательных подразделах представлено происхождение *Декларации прав человека* — предыстория, приобретение универсальности; заключение международных пактов, резолюций, конвенций, хартий; приобретение правового статуса; перечисляются по разделам основные права. Декларируется, что тюрьмы должны помогать людям исправляться, а не пытаться их — декларация, которая не выдерживает возражений в том, что однажды попав в тюрьму, перестаёшь быть человеком на всю жизнь. Никаким образом в биографии лишение свободы не может быть вычеркнуто. Специализированные исследования тюремных прав заключают, что пожелание *ресоциализации* лишённого свободы носит характер формальной декларации. Проблема ничтожности в декларациях отнесена к анализу Ханны Арендт к «происхождению тоталитаризма» и к сделанному ею выводу: Декларация может иметь смысл лишь когда она действующая в *общественном её включении*, а именно когда она *в праве иметь право* (с. 84).

Работа обсуждает положение, предложенное Т. Петковой о праве на защиту ребёнка. Конкретный повод — казус о сирийском ребёнке беженцев, найденном мёртвым на берегу Эгейского моря. Чтобы быть неформальной, защита не удовлетворяется упоминанием

случившегося как трагедии, нужно искать причины. *Право иметь право*, из-за несовершеннолетия ребёнка, следует применить правоспособным. Критика направлена против тех правоспособных *дизайнеров права*, несущих ответственность за сирийских беженцев и судьбу их детей. В случае с беженцами ответственность лежит на европейских правоспособных институциях, которые вместо внесения баланса в европейские политики отвечают эмоционально, пользуются правом молчать или бездействовать. В этом случае возвращение к нормальности берёт на себя гражданская позиция философа. Случившееся с беженским ребёнком — *символ последствий одного brutalного и забывающего себя будущего*. Глобальная опасность случившегося исходит и от того, что жертвой *геополитических игр* становятся невинные, незащитные дети, воспитываемые в непредсказуемой среде, из-за чего и несут риск экстремизма. Сами игроки превращаются в *проблему для себя* (с. 90). С этими выводами работа приближается к рискованной ситуации, о которой предупреждает Арджун Ападурай (*эмигрантский воображаемый мир*, В: *Культурные измерения глобализации*).

Дискуссия в главе **четвёртой** прослеживает, как право на молчание и защита от *самооговора* становится в Израиле конституционным правом. Идея, что *каждый невиновен до доказательства обратного* становится нормой в уголовном кодексе с 1992 года. В Израиле отказ лица быть принуждаемым к самооговору, право на личную автономию прошли во времени через разгорячённые дебаты. Лишь в 1992 обстоятельства доводят усилия до признания нормативного статуса. Суд вступает в роль эффективного балансира в государственном вмешательстве в уголовные расследования. Защищается концепция *автономного индивида, формирующего тело и душу по своей воле* (с. 96). Согласно закону, признание действительно лишь если оно добровольно. Применение нормативного положения подкреплено в диссертации примерами из проведённых уголовных дел в израильских и американских судах. Докторант делает заключение о практическом предотвращении драстического посягательства на личную жизнь и достоинство человека. Наряду с этим, в толковании норматива допускаются манипуляции, каково признание, достигнутое в полицейском допросе через обман. Фальсификация данных, в свою очередь, производит *эрозию этических границ расследования, подрывает конституционную защиту* (с. 109).

Заключительная часть обобщает теоретические положения исследования.

III. Достоинства работы

1. Актуальность темы в постановке вечной проблемы правового государства, ставить баланс между безопасностью государства и правами индивида.
2. Работа обосновывает отражение философских идей в практике нормативных положений в делах в судах Израиля.

3. Интердисциплинарный метод, применённый к анализу судебных практик проходящий через правовую догматику, философию Просвещения, теорию естественных прав и современные международные акты;
4. Практическая применимость в критике ответственности ЕС в вызванной эмигрантской волне, с вниманием к принципу гуманности, защите детей несмотря на происхождение, этническую и религиозную принадлежность и рискам, происходящим от пренебрежения принципом.

IV. Рекомендательные замечания

1. Анализ выиграл бы, если бы поставленная в нём проблема была сопоставлена с её представлением и в других законодательствах. Ввиду различий в судебных системах, сопоставление подчеркнуло бы специфику израильского законодательства.
2. Работа ставит проблему, граничащую с политической философией. Судебные решения демонстрируют соответствие с либеральной философской парадигмой. Философско-этические основания ценностей, таких как *справедливость, благочестие, достоинство, счастье*, являются центром в *Государстве* и диалоге *Евтифрон* (Plato, 2017: Euthyphro, Apology) Платона. Представленная в диссертации традиция обогатилась бы концептуально с включением в сопоставительный план античной эпохи и платоновских произведений.

V. Заключение

В заключение, учитывая перечисленные выше положительные качества, достоинства и приношения диссертационного труда **«Философские аспекты и развитие права на молчание в Израиле»**, выражаю убеждение, что Михаэлю Пилявски должна быть присуждена образовательная и научная степень «доктор» по профессиональному направлению — 2.3 Философия. Докторская программа «Современная философия». Поэтому буду голосовать «за» и рекомендую членам Научного жюри голосовать таким же образом.

18.09.2026

доц. д-р Митко Момов